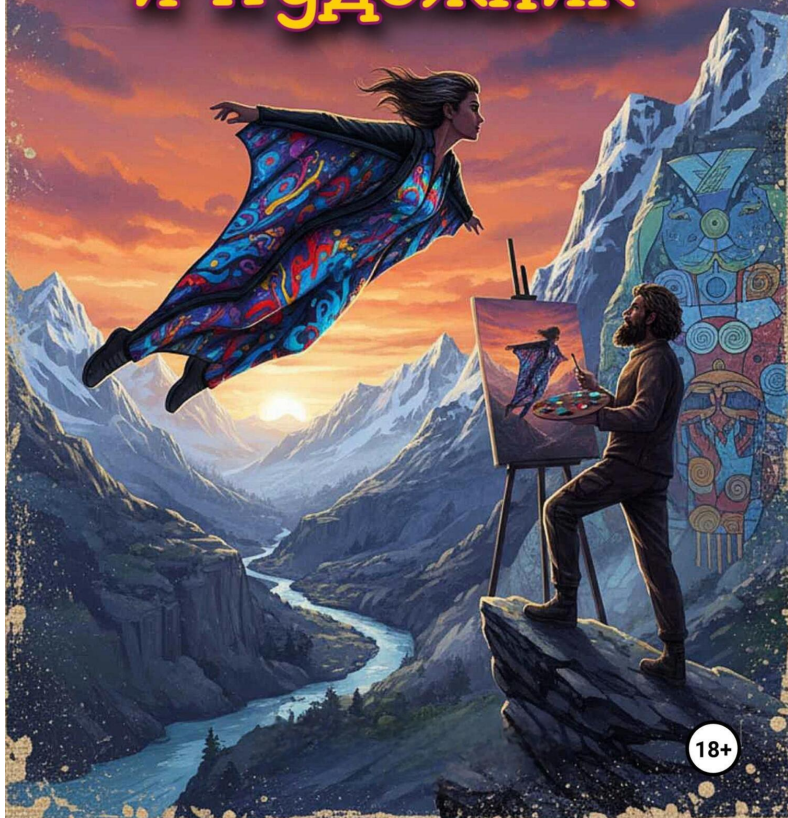

Валерий Марро

Экстремалка и художник

18+

Валерий Марро

Экстремалка и художник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72521242

SelfPub; 2026

Аннотация

Пьеса "Экстремалка и художник" /с подзаголовком "Новая Джоконда"/– это захватывающая история о любви, скрытой за маской обыденности. Молодой дворник влюбляется с первого взгляда в девушку, случайер зашедшую в парк. Казалось бы, банальная история, каких тысячи. Но за неприметной внешностью и скромной профессией скрывается тонкая, чувствительная душа начинающего художника. Кто она для него – просто случайная прохожая или "Новая Джоконда", способная вдохновить на шедевр? И сможет ли "экстремалка", привыкшая к риску и скорости, разглядеть истинный талант в том, кого мир привык не замечать? Узнайте, на что способна любовь, рожденная под кронами старых деревьев.

Валерий Марро

Экстремалка и художник

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Виктория

Пётр

Муж Виктории

Приятель мужа.

Официантка

Администратор

Двое неизвестных

События происходят в наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Встреча

Солнечный летний день. Уголок городского парка. В тени деревьев, на скамейке, сидит в задумчивости Виктория. Появляется Петр.

ПЁТР /остановился/. Добрый день!

ВИКТОРИЯ. Здравствуйте!

ПЁТР. Извините... я вам не помешаю?

ВИКТОРИЯ. Да нет... садитесь.

Пётр опускается на край скамейки.

ПЕТР /через паузу/. Я был здесь же, в парке, чуть поодаль.

Но, увидев вас...

ВИКТОРИЯ. Не волнуйтесь! Вы абсолютно не стесняете меня своим присутствием!

Пауза.

ПЁТР. Признаюсь: мой поступок стоил мне немалых усилий. Я долго не решался подойти к вам. Но... как видите, всё же отважился нарушить ваше одиночество.

ВИКТОРИЯ. Вы не нарушили его. Вы просто сели рядом.

ПЁТР. И тем самым отвлёк вас от напряжённых размышлений, которые явно читались на вашем лице.

ВИКТОРИЯ. Не велика беда. К тому же, мысли мои были довольно сумбурными. В какой-то степени, я даже рада, что в этом, безлюдном, парке хоть кто-то появился.

Пауза.

ПЁТР. Это была первая нить.

ВИКТОРИЯ. Нить? Что за нить?

ПЁТР. Нить, которая и стала причиной всего.

ВИКТОРИЯ. Причиной чего?

ПЁТР. Моего поведения, которое кажется вам, вероятно, странным.

ВИКТОРИЯ. Да ничего мне не кажется. Ну... сел рядом мужчина – что здесь такого? Пусть сидит себе, места, слава богу, хватает, скамейка большая.

ПЁТР. Дело здесь не в том – широкая скамейка или узкая?

ВИКТОРИЯ. А в чём дело? Объясните!

ПЁТР. Мне трудно это сделать.

ВИКТОРИЯ. Почему?

ПЁТР. Имеются определённые обстоятельства, препятствующие подобному откровению.

ВИКТОРИЯ. Какие ещё обстоятельства? Где они? /Оглядывается/. Здесь... в парке?

ПЁТР. Нет.

ВИКТОРИЯ. А где же тогда?

ПЁТР. Они там... внутри меня.

ВИКТОРИЯ. А-а... /С любопытством рассматривает скромно одетого собеседника/. Внутри вас, говорите... Ну, тогда скажите мне о них. Поделитесь... если это, конечно, возможно.

ПЁТР. К сожалению, мне пока трудно сформулировать точный, логически ясный, ответ.

ВИКТОРИЯ. Почему? Что вам мешает?

ПЁТР. А почему Гамлет постоянно задавал себе один и тот же вопрос "Быть или не быть...".?

ВИКТОРИЯ. Не знаю. Никогда не задумывалась над этим.

ПЁТР. Потому что не был до конца уверен – совершать ему свой, роковой, поступок или нет?

ВИКТОРИЯ. Роковой поступок?! Боже мой... о чём вы говорите? Сев сюда, на эту, государственную, скамейку, рядом со мной, вы что... совершили роковой поступок?

ПЁТР. Да, именно так. Вернее... он мог бы стать таковым, если бы вы...

ВИКТОРИЯ. Если бы я... что?

ПЁТР. Если бы вы... минутой раньше...

ВИКТОРИЯ. Ну что? Что? Ударила вас? Укусила? Обозвала матерным словом? Что именно я должна была сделать?

ПЁТР. Если бы вы... ответили мне отказом.

ВИКТОРИЯ. И всё? И это могло бы стать причиной вашей... совершенно непонятной для меня, трагедии?

ПЁТР. Да, именно это. Именно такой, неудачный, финал моей попытки оказаться сидящим возле вас, мог бы стать началом моих дальнейших, неисчислимых бед.

ВИКТОРИЯ. Послушайте... молодой человек! Возможно... скамейка эта вам чем-то дорога? Каким-то своим... сугубо личным, воспоминанием? Тогда я вам её уступлю! Всю... полностью! /Намеревается встать/.

ПЁТР /поспешно/. Нет, нет... не уходите! Пожалуйста! Скамейка эта мне абсолютно чужда! Я сижу здесь впервые!

ВИКТОРИЯ. Ну... тогда в чём проблема? Сели бы на любую другую... смотрите, сколько их вокруг? И спокойно посидели бы там до самого вечера, в своё удовольствие!

ПЁТР. Да... можно было бы сделать и так! Безусловно! Скамеек в парке действительно много. Но там, на другой скамейке...

ВИКТОРИЯ. Ну вот... опять! Что там? Взрывпакет лежал?

ПЁТР. Нет.

ВИКТОРИЯ. Ржавые гвозди торчали?

ПЁТР. Да нет же!

ВИКТОРИЯ. О, Господи... Доски прогнили насквозь? Краска до конца не просохла? Что... что там, на другой скамейке, вам помешало бы вдруг присесть на неё?!

ПЁТР. Там, на другой скамейке, не было бы... вас.

ВИКТОРИЯ. Ах... вот оно что!

Пауза.

Выходит, вы решили подойти ко мне, как обыкновенный уличный повеса. Чтобы узнать... что? Кто я такая и что я здесь, в одиночестве, делаю? И нельзя ли к этой, симпатичной, девушке, потихоньку подбить клинья? Угадала?

ПЕТР. Нет, нет... поверьте, вы глубоко ошибаетесь! Такие, поверхностные... плотские, я бы сказал, стремления нивелировали бы полностью мои истинные, неизмеримо более глубокие, намерения. /Пауза/. Значительно в большей степени мною двигало желание выяснить – что привело сюда, в этот тихий, забытый всеми, уголок природы, такую милую, очаровательную девушку?

ВИКТОРИЯ. Ну... наконец-то! Хоть какой-то, пусть пока маленький, шагок к истине вы, наконец-то, всё же сделали! /Пауза/. Интересное признание, между прочим... И главное – совершенно неожиданное для меня! /Пауза/. А вы... кто? Психолог? Следователь? Прокурор... может быть? Кто вы?

ПЁТР. Ни первое, ни второе и ни третье. Я – художник. Моя профессия – отражать мир в красках, линиях, в смелых, неожиданных формах и композиционных решениях, в портретах современников. Художник – это тот, кто пишет душу

окружающей его флоры и фауны, есконечного множества вещей быта и попадающих в поле его зрения интересных, самобытных людей. А это, как известно, требует досконального знания предмета, изображаемого тобою.

ВИКТОРИЯ. Вот как! И что же такого интересного, интригующего вас, вы увидели, например... в этом вот предмете? /Указывает на себя/.

ПЁТР. Возможно, я выразился несколько парадоксально, сказав о душах предметов и включив в этот перечень людей. Но это действительно так! Все предметы, существующие на Земле, не важно – живые они или нет, имеют свою душу. И, прежде чем воплотить эти предметы на холсте, художник обязан разгадать их внутренний мир. Тогда будет результат, который привлечёт внимание многих, заставит их глубоко задуматься над сущностью нашего бытия. И, что совсем не исключено, станет даже всемирным шедевром! Что же интересного увидел я в вас? Отвечу! Вы – удивительно совершенное творение нашей заботливой Альма-матер! Что само по себе уже является проявлением высшей формы искусства, созданной всемогущим Мировым Разумом. Человек бесконечен, как космос. Он – отражение вселенной, заключённое в оболочку живой материи. Сколько ни всматривайся в этот, переполненный противоречиями и безумными страстями, сосуд, дна не увидишь. Вот почему меня, как профессионала, всегда крайне интересовала тайна человеческой души.

ВИКТОРИЯ. Какая потрясающая тирада! У меня даже голова закружилась от глубины ваших, мудрых, мыслей! /Пауза/. И вы полагаете, что в этой вот... живой оболочке, сидящей перед вами, находится та самая, космическая душа, достойная вашего, пристального внимания?

ПЁТР. Именно это! Именно это потрясло меня при первом же взгляде на вас! Органичное соединение внутреннего и внешнего начала в вашей мыслящей, живой субстанции, пришедшей когда-то, в результате случайного соединения необходимых для зарождения новой жизни хромосом, на эту Землю!

ВИКТОРИЯ. И, вдохновлённый сим видением, вы почувствовали себя вдруг... Давидом, могущим одолеть ужасного Голиафа! /Смеётся/. Другими словами, вас привели сюда, на эту скамейку, муки творчества... так?

ПЁТР. Позволю себе, Виктория, немножко вас поправить. Меня изначально привели сюда вы, ваш божественный образ. И уж потом, параллельным планом, во мне оживился преследующий меня повсюду поиск своего... неповторимого пути в упомянутом уже мною мире красок, линий, сложных сюжетных композиций и замыслов. Всё это должно пройти через глубокое познание человека, как величайшей тайны природы! Через стремление постичь этот загадочный мир до конца, чтобы вернуть потом всё, найденное, людям в каком-либо живописном сюжете, графическом рисунке... или знаменитом портрете, запечатлённом на холсте. В этом я ви-

жу свою главную задачу творца.

ВИКТОРИЯ. Да вы просто гигант какой-то, вращающий мир на конце своей, творческой, шпаги! Похвально... весьма похвально! /Аплодирует/. Но какой сложный, тернистый, жертвенный даже, путь вы себе избрали! Насколько мне известно, его удавалось пройти до конца, не изменив ему, лишь... небольшой кучке гениев!

ПЁТР. На первый взгляд мои стремления выглядят ужасно нескромными, согласен. Но, с другой стороны, если не ставить перед собой подобных, космических целей, не мечтать о божественном взлёте на Олимп... Кстати, вы не заметили, что мы беседуем уже довольно долго, не назвав своих имён. Не знаю, как вас, но меня несколько смущает эта затянувшаяся неопределённость. Нет ли у вас желания срочно исправить... эту, досадную, оплошность? /Смеётся/.

ВИКТОРИЯ. Что ж... можно рискнуть! /Смеётся/. Хотя обычно я не позволяю себе этого. Виктория! /Протягивает руку/.

ПЁТР /поднимается /. Пётр! /Пожимает руку. Подсаживается ближе/. В вашем имени заложен символ победы!

ВИКТОРИЯ. Знаю! И это – не случайно! Я по жизни – экстремалка! Пытаюсь понять мир Природы, в котором живу, не за счет красок и линий, как вы, а за счёт подаренных мне этой Природой органов обоняния, осязания, слуха, зрения. И умения осмыслить увиденное и прочувствованное мною.

ПЁТР. Благородное занятие! Ну и как? Удаётся?

ВИКТОРИЯ. Не всегда. Иногда успеваю открыть пару истин и давних, интригующих меня, тайн. А иногда...

ПЁТР. Вы не закончили мысль.

ВИКТОРИЯ. Почему в этом парке сидит, в задумчивости, красивая девушка? Почему она одна, а не с другом, подругой или целой ватагой весёлых, щебечущих неизвестно о чём, сверстниц? Признайтесь... эта мысль постоянно будоражит ваше сознание даже сейчас, я это чувствую?

ПЁТР. Не буду лукавить – да! Эта мысль постоянно сверлит мой любопытствующий, творческий мозг! Воображение рисует многие, самые невероятные, сюжеты, ставшие причиной вашего милого отшельничества. Но я пытаюсь их откинуть, усмирить, упрямо гоню от себя прочь...

ВИКТОРИЯ. И правильно делаете! Поскольку ваша фантазия всё равно не сможет уловить того главного, что приводит иногда меня к страстному желанию побыть одной, вдали от шума городского, мирской суеты... и мужа.

ПЁТР/через паузу/. Простите, Виктория... я, признаться, в некоторой растерянности. На вид вам... если честно, я бы дал всего...

ВИКТОРИЯ. Не утруждайте себя поиском искомой цифры. Я взбалмошный, рано созревший, ребёнок. Это и стало причиной моего первого брака... с учителем физики. Случайный альков в затемненном спортзале, беременность, неудачные роды. Ребёнок погиб... Мне было всего пятнадцать... вам не скучен мой рассказ?

ПЁТР. Нет, нет, ни в коем случае! Это – жизнь. А жизнь... это, прежде всего, люди, их отношения. Продолжайте... продолжайте же, прошу вас!

ВИКТОРИЯ. На вашем, Петр, виртуальном пока, холсте появился лишь первый мазок моей, непростой, судьбы.

Пауза.

Вскоре после первого замужества последовал, вопреки героическому сопротивлению горячо любимых мною предков, второй брак. С иностранцем, примчавшимся в Россию за птицей счастья. Жизнь в гостинице, наслаждение сексом, освоение английского языка... и скорая смерть супруга в тихоокеанских волнах, в авиакатастрофе. Восемнадцать лет, безутешная скорбь по горячо любимому другу, алкоголь. Случайная встреча в баре, бурный роман... и третий, последний, брак. Да я вижу... вы ошеломлены? Разочарованы? У вас пропал интерес?

ПЁТР. Ну что вы, что вы... Виктория! Как вы можете... так всё упрощать? Наоборот... я уже мысленно, следуя за вами, пытаюсь соединить воедино... весь набор цветовых гамм событий, выстроить всю палитру услышанных мною фактов.

ВИКТОРИЯ. Интересно... что же именно вас привлекло? Перечислите, если не трудно?

ПЁТР. Ваш юный возраст... присутствие здесь, в этом парке, в уединенной тиши... и появление вашего, третьего мужа. Мужа, о котором я пока ничего не знаю. Он, конечно же... ищет вас?

ВИКТОРИЯ. Ищет... это правда. Вернее, безуспешно пытаются... я отключила связь!

ПЁТР. И как же вы, всё это... объясните потом?

ВИКТОРИЯ. Никак! Он привык к моим чудачествам! Я же экстремалка! /Смеётся/. Однажды меня занесло в джунгли Сомали! Захотелось вдруг посмотреть на живых пиратов! Через сутки после моей эсэмэски супруг, бросив все дела, был уже там... и мы отлично провели время! Кормили крокодилов, катались на слонах. И даже умудрились побывать на скоростной пиратской шхуне, во время их разбоя в Карибском море. Ха-ха-ха... вот это был экстрим! Вот это была игра с судьбой! Погоня за обречённой жертвой со свистом пуль... пиу-пиу... пах-бах... тра-да-дах... последующий, вслед за этим, стремительный абордаж... рукопашный бой! После захвата нас англичанами, мужу пришлось заплатить не один миллион за нашу свободу и моё легкомысленное озорство!

ПЕТР. Потрясающий сюжет!

ВИКТОРИЯ. И не менее потрясающие ощущения! Ведь такое дано пережить далеко не каждому, согласитесь?/Пауза/. Во мне заложен мощный заряд энергии, который постоянно требует всё новых и новых подвигов. Если я не совершаю их, душа моя начинает прозябать, на меня нападает апатия, жизнь кажется плоской и бессмысленной. /Поднялась, прошла по аллее/. Выходя третий раз замуж, уже по расчёту, я поставила брачному партнёру условие: он ни в чём не

должен стеснять меня, экстремалку, в удовлетворении моих, периодически возникающих, потребностях разрядить себя самым невероятным, самым непредсказуемым, образом! Покрывая при этом все, прямо скажем, немалые финансовые нужды! Взамен я плачу ему лишь одним: поощрением всех его бурных сексуальных фантазий на семейном ложе. В какой степени мы оказались квиты, можно только догадываться. Но мне кажется, я одержала верх: мой супруг явно стал жертвой моего, сексуального, рабства. /Хохочет. Вдруг замолкла/. Вам не кажется это признание... чем-то неприличным... и даже пошлым?

ПЁТР. Тут я... знаете ли, Виктория, должен вам откровенно... кое в чём признаться. /Пауза/. Соединение такого... вполне естественного, чувственного порыва одного человека к другому, со стремлением другого человека ответить или не ответить на подобный порыв взаимностью, является одной из самых дорогих для меня, как творца, самых насущных, глобальных тем, существующих в окружающем нас мире. Учитывая, что он, этот мир, изрядно подпорчен... особенно за последнее время, невероятным количеством пороков, имеющих пагубную тенденцию к неуклонному размножению. На Земле всё меньше остаётся добра и всё агрессивнее ведёт себя зло. При этой, печальной, статистике можно с уверенностью сказать: вашему супругу можно только... позавидовать!

ВИКТОРИЯ. Серьёзно? Вы в самом деле так считаете? /

Хохочет/.

ПЁТР. Имеющий бесконечное счастье не замечает его. Имеющий лишь редкие островки его иногда принимает за счастье и доброе слово, сказанное ему. Не говоря уж о таком, роскошном, чувственном подарке супруги.

ВИКТОРИЯ /присела на скамейку/. Боже мой... да вы философ, Пётр! Сказать такую мудрость может далеко не каждый мужчина. /Пауза/. И как же теперь... связать всё это... с вашим, непреодолимым, стремлением... подойти сюда, к этой скамейке? К столь желанному, как выяснилось, для вас предмету, сидящему на ней, в живой, органической оболочке? А?

Заразительно хохочет.

ПЁТР/робко/. Я боюсь... показаться вам ужасно нескромным, Виктория, но... разрешите мне притронуться... к вашей руке?

ВИКТОРИЯ. Притронуться... к моей руке? Зачем?!

ПЁТР. Прошу не отказать мне в этом желании. Пожалуйста!

ВИКТОРИЯ. Но зачем? С какой целью вы решили вдруг совершить сей, чрезвычайно смелый, донжуанский поступок? /Смеётся/.

ПЁТР. Признаюсь. Я сейчас признаюсь вам и в этом. Скажу вам откровенно всё, что испытываю, ничего не скрывая. Пауза.

Мне, как художнику, просто необходимо ощутить сейчас,

в эту минуту... живое биение пульса вашего, экстремально-го, организма.

Пауза.

ВИКТОРИЯ. Хм... весьма любопытное желание творца! Непонятное, в общем-то, и даже... я бы сказала, слегка фри-вольное. /Пауза/. Ну, хорошо! Поясните тогда – для чего вам это нужно?

ПЁТР. Это окажет благотворное влияние на моё, творче-ское, воображение.

ВИКТОРИЯ. Каким образом, интересно?

ПЁТР. Самым прямым! Бьющийся в вас пульс зафикси-руется вначале в моём сознании, в моих ощущениях. А за-тем, вполне органично, перейдёт уже на моё полотно... в мой шедевр.

ВИКТОРИЯ. Ваш шедевр? Вы что... задумали поместить меня... в какой-то, совершенно неизвестный пока мне, сю-жет?

ПЁТР. Такое божественное создание, Виктория, како-вым являетесь вы, невозможно куда-либо поместить. Глядя на вас, можно лишь восхищаться... и мечтать о создании непревзойдённого образа, способного привлечь в будущем внимание миллионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.